

Борис Кузнецов

Проза

За белый ключ откатится гроза,
Неся с собою громы и потоки,
И радуги цветная полоса
Победно засверкает на востоке.

В её сиянии со всех сторон
Несется по оврагам и дубравам
Разноголосый птичий перезвон
И падает в сверкающие травы.

Округа разомлела от тепла
И, торопясь перекричать друг друга,
Опять стучат в хлебах перепела,
Оправившись от краткого испуга.

Всё надоест,
Всё обернется скукой.
Привычны станут встречи и разлуки,
Друзья, застолья и парад невест,
Банальных тостов праздничные звоны.
Но этот неумолчный птичий гомон,
Все звуки заглушающий окрест,
Покряхтыванье грома на излете
И радуга в ликующем полете –
Всё это никогда не надоест.

Другое измерение

Асфальта нет, дороги нет,
И вслед за собственной тенью,
Перешагнув через кювет,
Иду в другое измеренье.

Кругом распаханная ширь
И зелена в июньской неге.
Ни самолетов, ни машин,
А кто-то едет на телеге.

Я отступаю за межу,
Но, тормознув, зовёт возница:
– Садись, приятель, подвезу! –
А как же на неё садиться?

Давно не парень, но не дед,
Разглядывает, словно чудо:
– Уж очень странно ты одет,
А ты, случайно, не оттуда?

И машет стареньким кнутом
Куда-то влево, где, похоже,
Скрежещут злобно за бугром
Враги державы и колхоза.

Качаю грустно головой
И отвечаю: – Нет, не с теми.
Я тутошний, до боли свой,
Я просто перепутал время.

За что горели?

Дымились трубами дома,
Под утро лужи замерзали,
Но настоящая зима
Пока гуляла на Ямале.
В прозрачных зарослях долин
Свистели бойкие синицы,
А по ночам клевал налим
На закидушки и жерлицы.

Мы ожидали у огня
Приход неблизкого рассвета,
Напарник спрашивал меня,
А сам не ожидал ответа.
– Скажи, не дураки ли были,
Когда, печей смиряя нрав,
С тобой в мартенах сталь варили?
И докажи, что я не прав!

Газеты восхваляли нас –
«Огня волшебники и маги!»
А наша пенсия сейчас
Как у вахтера из общаги.
Спецовки, что давались нам,
Едва хватало на неделю.
Ты всё прекрасно знаешь сам,
Ну, так ответь: за что горели?

Костер живым теплом дышал,
Был чай наваристым не в меру.
В тумане, в гуще камыша
Скрипели весла браконьера.
Над головою шелест крыл –
На юг пернатые летели.
Все эти звуки перекрыл
Один вопрос:
– За что горели?

Дмитрий Клецов

* * *

«Туманный» – тихий уголок,
Грибной берёзовый распадок.
И близкий сердцу табунок
В лугах пасущихся лошадок.

Душа поёт и молодится,
И не нарадуется глаз,
Когда на резвой кобылице
К закату ринется хакас.

Дороже станут эти горы,
Лишь гены перевороша,
Во мне аукнет кровь монгола
И русской женщины душа.

* * *

Белый кораблик мчал
Курсом земного рая.
На палубе интернационал –
Публика трудовая.

Польская трескотня,
Клёкот араба,
Штиль за кормой дробя,
Волны струились рябо.

Из потаённых шахт
Дядька согбенный этот,
Выпить бы на брудершафт,
Выкурить сигарету

И пригласить в семью:
Нашей закваски, нашей,
Только Россию мою
Он называет «Рашей».

Желчные словеса
Сыплет жестокой грудой,
Не за глаза обзывает - в глаза
Матерным словом «иудой».

Мой темнокожий брат,
Чем тебе не потрафил?
Не защитил Ирак,
Гнусно предал Каддафи?

Вот и опять в огне
Солнечный твой Египет.
Но как проглотить мне
Правильный твой эпитет?

* * *

Грозы ничто не предвещало:
Холодный, мелкий, нудный дождь
Накрыл тяжёлым покрывалом
И птичий гомон, и галдёж.

Мне хмурый день казался пыткой,
Но место я облюбовал
И под разлапистою пихтой
Свою одежду выжимал.

Гром грянул глухо, беспричинно
За буераком, вдалеке,
Как будто выстрелила шина
На перегруженном ЗИЛке.

Потом с ума как будто спятил
Поднаторевший дровосек,
И необъёмную в обхвате
Он сухостоину рассек.

Запахло жареным и дымом,
Я неожиданно вспотел.
Мой чуб взъерошился дыбом,
Затылок одеревенел.

А был не робкого десятка,
Познавший всякого сполна.
Душа вдруг очутилась в пятках,
Ужели заячья она?

И гром, и молнии прицельно
Тайгу пронзали и меня,
И я метался в эпицентре
Стихий водной и огня.

Я падал ниц, сражённый лютой
Гремучей молнией-стрелой...
И времена великой смуты
Сгущались вроде надо мной.

* * *

Входит женщина в море
В балахоне Востока,
В восхитительном взоре
Бесенята восторга,

Беспокойная боязнь
С потаённой надеждой.
Всё, что создано богом,
Всё под чёрной одеждой.

Дальше, дальше от мола,
Глубже, глубже ступени,
Вот уже и колени
Расцелованы морем.

Вот и девственный пояс
Обласкан бесстыже,
Я в песочек заруюсь,
Ничего не увижу.

Как прихлынувший гребень
Разобьётся о груди,
Очаровано время,
Очарованы люди,

И потупили взоры
Жинки, фрейлины, леди:
Входит женщина в море,
Входит чёрная лебедь.

* * *

Малахитовый луг – лужок,
Верб старенькая невестится,
Опираясь на батожок,
Мне навстречу идёт ровесница.

Эх, свиданьице! Ах да ох,
Машет мне тальниковой веточкой.
На обочине чертополох
Опахнёт прошлогодней ветошью.

Постоим мы глаза в глаза,
К горлу ком ледяной подкатится,
Как в соборе на образа
Век смотреть бы и век бы каяться

* * *

Два коршуна кружат
То разное, то синхронно,
Клеочут в унисон
На смелом вираже.
И кто из них слабей,
И кто из них верховней,
Совсем не всё равно
Разборчивой душе.

Притихли петухи,
Попрятались вороны,
Дрожит под лопушком
Испуганная мышь,
Чтоб избежать беды,
В ружейные патроны
На кремневый жакан
Я загоняю пыж.

На всякий случай, так:
Я на тварюг не падок,
И помыслы мои
Пречисты и тихи.
А коршуны меж тем
Бросаются на падаль –
Гарцует вороньё
И живы петухи.

Клубника

Пригорки, холмы, увалы
Клубника облюбовала,
И с миром завоевала
Намоленные места.

Даром бери, кто хочет:
Мышка её не точит,
Скотина её не топчет –
Нет в деревнях скота.

Рясная очень клубника
Заполонила, гляди-ка,
Весь притаённый край.
Благо, сегодня ведро,
Горстями гребни и ведра
Целыми наполняй.

Не запретит объездчик,
Старый пастух овечий
Не скажет: тут не бери.
Но тяжело поэту:
Канули в злую Лету
Звонкие косари –
Колхозные богатыри.

* * *

Крутит сырая выюга
Снежную пелену.
Старенькую фрамугу
Настежь я распахну.

Ринется тёплый ветер,
Сивую прядь беребя –
Весенняя добродетель
Зябкого ноября.

* * *

Давным-давно всё это было:
Цветастым раструбом штаны,
Фуражка-блин и образ милой,
Склонённой над рекой сосны.

Где сам с усам, ума палата,
В карманах нету ни шиша,
И откровенная душа
Ни перед кем не виновата.

Хочу, с Маринкой разведусь:
Лягушка обернулась скрягой,
И по Руси пойду бродягой –
Меня облюбовала Русь.

Вчера понравилась портниха,
Мне тесть названный бил челом,
Но перед ним-то челноком
Вертеться надо очень тихо.

Пускай портниха подождёт:
Я не хочу банальных тренировок...
Но вот судьбинушка прижмёт –
Артистка втянет в оборот
И враз поставит на колени.

